

Хотя наш разговор и состоялся накануне семидесятилетия моего собеседника, мы сразу же договорились, что интервью это «юбилейным» не будет. Поэтому беседа, проходившая в домашнем кабинете заведующего кафедрой политэкономии Томского университета доктора экономических наук профессора А. П. БЫЧКОВА, началась с не совсем обычного, может быть, вопроса.

— Нетрудно догадаться о ваших литературных пристрастиях, Александр Петрович: достаточно взглянуть вот на этот портрет над вашим столом.

— Александр Сергеевич? Вы угадали. Со школьных еще лет и на всю жизнь Пушкин для меня — самый современный поэт.

— С большим уважением отношусь к людям, умеющим через всю жизнь пронести детскую увлеченность поэтом, какой-то книгой, произведением искусства...

— К чтению я действительно пристрастился с детства. В тверской деревне, где я родился, книг было немного. Так же, впрочем, как и в школьной библиотеке. Приходилось изобретательность проявлять. К примеру, была в библиотеке единственная книга Войнич «Овод». Всем читать — долго, поэтому кому-то из нас поручалось эту книгу прочесть, а потом, по дороге в школу — а мы километров за пять ходили, — друзьям рассказывать. Обычно больше доставалось чтения тому, кто умел лучше рассказывать. Помню, горд был тем, что выбор нередко выпадал на меня.

Зная мое пристрастие, учительница дарила в качестве премии за учебу Пушкина, потом Лермонтова. В четвертом классе я уже ходил в районную библиотеку — за восемнадцать километров.

— Простите, перебью. Не на лыжах ходили?

— Ну, зимой-то — и на лыжах.

— Я вижу, у вас лыжи с ботинками стоят. Вы до сих пор ходите?

— Конечно. А тем более тогда пробегаться, скажем, за Горьким, проблемы особой не составляло.

Мне здорово повезло на учителей, которые еще в школе сумели привить тягу к познаниям. В начальных классах учительница Мария Георгиевна — превосходный педагог, которой все сельчане кланялись, — преподавала географию, заставляла нас читать журнал «Веселая земля», где описание различных регионов давалось в стихах. Про Сибирь, например, были такие строки:

Черепашою кто-то
ее распахнул,
И лежит она, с ветрами
споря.

Каменистым хвостом
упираясь в Урал,
Головою в Берингово море.
Слева гложет ей бок

Ледяной океан,
Справа жмутся пустыни
Китаю.

На спине ее вьюга, как
пьяный шаман,
Закрутилась от края
края.

Ну и так далее. Вспомнил, что удивительно, эти стихи, когда 34 года назад приехал в Томск.

В семилетие нас учили двое педагогов — потомки декабристов Бестужевых. Впоследствии я, конечно, понял, что вместе с преподаванием предметов они передавали нам свою широту познаний, культуру, интеллигентность. Словесник Варвара Васильевна наиболее яркие литературные произведения ставила на школьной сцене. Между прочим, перед вами человек, который маль-

чишкой играл и Алену, убивающего Земфиру в «Цыганах», и Оболту-Оболдуева.

Был литературный кружок и первые наши стихи в районной газете, и встреча с приехавшим к нам как-то Гайдаром. Так что корни всего — в детстве.

— Кстати, кроме собраний художественной литературы и, разумеется, книг по экономике, я вижу у вас на столе «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяева, «Как была крещена Русь». Это тоже ваше давнишнее увлечение?

— Не только. Это связано с тем, как формировалась моя профессиональная стезя. Прежде чем стать экономистом, я стал историком. Ну и, кроме того, считаю, что ни один общественник не может чувствовать себя вполне таковым, если замыкается в узких рамках своей науки. Общественник требует познаний во всех, по су-

Поверив истиной судьбу...

ществу, областях человеческой жизни, иначе будет просто недоступно понимание всей ее целостности.

— История, политэкономия — во многом родственные общественно-научные науки. И все же, что повлияло на перемену сферы ваших научных интересов?

— Армия. Да-да. Ведь я закончил в Ленинграде военную академию, готовившую обществоведов — философов, политэкономов, историков партии. Был оставлен в адъюнктуру, работал на кафедре политэкономии, пока в 1956 году приказом Г. К. Жукова академия не была ликвидирована. Кстати, после этого и оказался в Томске.

— Насколько известно, в академии поступали люди, связавшие свою жизнь с армией. Вы тоже готовились быть военным?

— Ну, по духу я не совсем военный человек, хотя армии посвятил почти «пятнадцать» лет, начиная с сорочка первого. Тогда, после педагогического техникума и учась заочно на истфаке Хабаровского пединститута, работал на Дальнем Востоке директором школы. Было мне тогда двадцать, и, хотя директора школ имели бронь, по моей просьбе в армию меня все-таки призвали. Попал на курсы фронтовых политработников.

На фронт, конечно, рвался, но весь выпуск оставили на дальневосточных границах. Помню, в 43-м, после Курской дуги, где воевал и подорвался на mine мой брат, моложе меня, получил я из госпиталя от него пись-

мо. Естественно, эмоциональное потрясение — младший воюет, а я здесь, в глубоком тылу! Написал письмо, разумеется, не по команде, прямо Сталину. И вы знаете — дошло письмо! Не до него, конечно. Ответил Поскребышев: копию — мне, а первый экземпляр — в дивизию. Вызвал меня начальник политотдела дивизии: «Ты что, только один такой патриот? Твой фронт — тут!». На партконференции дивизии прорабатывали...

В общем, на Запад я не попал, а в войне с Японией участвовать довелось. Был заместителем командира полка по политчасти.

Когда же война закончилась, написал рапорт об увольнении. Вместо этого повысили в должности — послали в штаб армии. Тогда-то и попросился в академию, чувствуя, что гражданского образования мне уже мало. Конкурс на факультет политэкономии был огромный — 46 человек на место. После войны ребят, прошедших фронт, тянуло учиться. Мне тогда посчастливилось...

— И с той поры ваша судьба оказалась связанной с общественно-научной. Именно общественникам сегодня адресуется множество вопросов и претензий. Конечно, всех тревожит наш путь в неизведанное — в рыночную экономику. А что тревожит вас как ученого-экономиста?

— Тревог больше, чем хотелось бы. Беспокоят ошибки, которые успели наделать и высшее руководство, и на местах. Вообще я думаю, что ошибок избежать

совсем — невозможно. Но кое-что следовало бы просчитывать заранее. К примеру, ситуации, сложившейся в финансовом положении, можно было бы избежать, если бы ряд мер — пусть даже болезненных — мы провели раньше. Всем же ясно, что наша система цен не обеспечивает нормальной работы экономики. С этого и надо было начинать. А мы приняли соответствующие акты о предприятии, о переходе к полному хозрасчету, но систему цен не изменили. Явно застопорились и с изменением управленческих структур, которые созданы для прежней экономики и по-новому работать не могут.

Снажу с огорчением, что опоздали и с подготовкой компетентных кадров. На ходу учимся. Вот вчера я получил запрос от одного кооператива из Кемерово, который просит подготовить для них специалиста — девушку, которая учится сейчас у нас, на отделении политэкономии. Чтобы она могла работать в лаборатории, которая занимается преобразованием, анализом, чтобы хорошо знала английский, маркетинг и т. д. Мы приняли это предложение, будем составлять для студентки индивидуальную программу.

Но ни в коем случае нельзя на этом останавливаться. Пора переходить к серьезной, планомерной, если хотите, «поштучной» подготовке специалистов, имея в виду перспективу их работы в условиях рыночной экономики.

— Александр Петрович, если честно, полусотенные и сотенные купюры вы меняли с опаской? С точки зрения экономиста, насколько правдив был этот шаг? Мнения по этому поводу различные...

— Я считаю эту акцию правильной, потому что оздоровление экономики надо начинать все-таки с финансов. Именно развал финансовой системы стал сегодня самым серьезным препятствием для нас, причиной нарушения всех экономических связей. По первым оценкам, как известно, удалось отсечь 8—10 миллиардов, но это еще не все, разумеется. Первый шаг должен стать началом решительных мер, которых нам не хватает.

Сейчас, когда достаточно легко критиковать руководство, стоит, по-видимому, признать, что основные направления экономической реформы, принятые еще в 1987 году, после июньского Пленума ЦК, были определены все-таки верно. Увы, они оказались нереализованными, и мы подошли не то что к кризису — к развалу. И это положение сегодня нельзя стабилизировать, его нужно блокировать.

При этом следует помнить исторический опыт, который показывает, что любая реформа обречена на провал, если нет согласия народа и в народе. Хочется надеяться,

не переписишь заново. Уже что было — то было. И надо воспринимать жизнь не с позиции «опрокинутого прошлого», а с позиций истины, которая таковой становится только тогда, когда любое явление или событие рассматривается с точки зрения условий, в которых происходило. И, конечно, извлекать уроки.

Чего не хватало нашей науке? В первую очередь прогноза развития ситуации, точного расчета, что принесет тот или иной шаг в политике и экономике. Не было ответа на вопрос: а как при этом будет чувствовать себя человек, убоим мы в нем что-то или воскресим? Политэкономия как бы оставила человека на втором плане.

А что касается уроков прошлого... Второй год мы работаем не по типовой программе, разработали свою, с учетом достижений отечественной и зарубежной науки. Сегодня новый подход необходим.

— Как вы считаете, у профессора Бычкова трудно учиться студентам?

— Думаю, что трудно. Но, надеюсь, интересно.

— А учить сегодняшних студентов?

— Вынужден повториться: и трудно, и интересно. Молодежь сейчас критикуют, и часто — не без оснований. На ее долю выпал очень сложный отрезок исторического развития, породивший потерю идеалов, социальную апатию, неверие. Но в этом все же больше вины поколения отцов.

В то же время работа с нынешним поколением студентов требует куда большей компетентности. Приходится существенно перестраивать курсы, цель которых — заложить основы современного, самостоятельного, критического, а не критиканского мышления у молодого специалиста. Сделать это не так-то просто: мы отягощены стереотипами, старыми и новыми догмами, которые приходится преодолевать.

Но, как всякое новое творческое дело, работа со студентами чрезвычайно интересна.

— Многие студенты, с которыми довелось встречаться, подчеркивали не только глубину ваших лекций, но и их яркую, образную форму, ваши ораторские способности.

— Честно говоря, Цицероном себя не считаю, но все равно спасибо им за столь высокую оценку. Знаете, форма изложения самоцелью для меня, конечно, не являлась, но в работе над лекциями действительно старался подумать о том, как подать учебный материал. Где, к примеру, дать аудитории разрядку, а где, напротив, произвести простую, но, как показал опыт, действенную фразу: «Запомним, пожалуйста, на всю жизнь...».

— Вы были ректором университета почти семнадцать лет. Вступая в эту должность, несомненно, имели программу действий. Удавалось ли вам ее выполнить?

— Сказать, что все задумки воплощены, — явное

увеличение. Вряд ли можно у руководителю удается выполнить все, что он намечал, поскольку это зависит не только от его желания, но и от условий, в которых он работает. Удалось решить проблему обеспечения университета современной библиотекой, неплохой — по тем временам — спортивной базой. Активно занимались расширением материальной базы и структуры научных учреждений ТГУ, что могло более эффективно реализовать научный потенциал вуза. Определенные шаги удалось сделать в обеспечении студентов жильем.

Университет в моем представлении — сумма трех величин. Это — подготовка специалистов, научные исследования, которые питают учебный процесс, наконец, университетская культура. В их неразрывном единстве, если хотите, сплав — будущее университета, на которое надо работать сегодня.

— Насколько мне известно, ваш партийный стаж исчисляется почти полувеком. Хотелось бы услышать ваше мнение относительно будущего КПСС: ведь по этому поводу сегодня высказываются самые различные суждения.

— Сегодня, пожалуй, ни для кого не секрет, что на политической арене идет борьба противоборствующих сил, борьба за власть. Жестко поставлен главный вопрос — быть или не быть существующему социально-экономическому строю? Обеим сторонам в этой борьбе необходима организация, правильно оценивающая направления развития общества, умеющая повести за собой народ, обладающая гибкой тактикой, твердо проводящая свою линию.

Имеет ли партия, в которой я имею честь состоять, возможности и силы для этого? Да, имеет. Хотя за последние годы многое и подрастеряла, заняв оборонительные позиции. Конкретные дела — вот что сегодня нужно нашей партии, только в этом случае КПСС сможет оказывать политическое влияние на ситуацию в стране. Мы должны осознать, что коммунисты, несмотря на уход многих партийцев, по-прежнему остаются самой организованной, реальной силой в обществе.

С точки зрения мировоззрения, идеалов, я был и остаюсь коммунистом и партии не измению, хотя это не значит, что я принимаю устаревшие взгляды, догмы.

— Александр Петрович, вы счастливый человек?

— На судьбу жаловаться не вправе. Рад, что у меня выросли хорошие дети — для главы семейства это немало, есть внуки, наверное, дождусь правнука. Истинное удовлетворение нашел в своей профессии, в том, что не изменил раз и навсегда выбранной педагогической стезе, и в том, что ощущал себя нужным людям. Наверное, мне удалось что-то сделать в этой жизни, и потому я — счастливый человек.

Из почты дня

СТЫДНО ПРОСИТЬ КУСОК

Написать меня заставляло совсем не веселые наши дела.

Получила недавно продовольственную карточку на семью (нас четверо), выкупила имеющиеся продукты и призадумалась. Как же мне целый месяц кормить семью этим количеством продуктов? У нас двое детей: старшему — 13 лет, младшему — год с небольшим. Нахожусь в отпуске по уходу за ребенком. Собираюсь сидеть с ним дома до трех лет, но теперь вижу, что это невозможно. Почему же те, кто распределяет продукты (по крохам), не учли, что одни дети посещают дошкольные учреждения и их там кормят весь день, другие же находятся дома и сами матери должны приготовить и накормить их четыре раза в день, а получаем мы по карточкам одинаковое количество продуктов.

Ни за что бы не стала писать, но уж так наболело! У моего ребенка и так гемоглобин низкий, а что же будет при таком питании? Уж лучше выйди на работу, а ребенка отдай в ясли. Сама буду получать зарплату (хоть себе на питание), а ребенка накормят-напоят «вторые мамы». Правда, скорее всего, я буду регулярно сидеть на «больничном» и получать 100 процентов зарплаты.

Думаю, что многие матери со мной согласятся: надо пересматривать нормы отпуска продуктов, если уже счет пошел на граммы. Дайте нам возможность вырастить здоровых детей.

О. ПЕТРОВА.

г. Томск.

НЕ ВИДАТЬ МНЕ ТЕЛЕФОНА

Никогда не писала в газету, а прочитав статью «Связисты и рынок» в номере газеты за 28 декабря, решила написать.

Судя по публикации, цены на услуги связистов возрастут многократно. Предполагается только за установку телефона платить около 800 рублей. Да и ежемесячная оплата становится приличной. Как же быть нам, пенсионерам? Разве мы сможем за такую плату иметь телефон? А он для нас не роскошь, а необходимость.

Я на очереди на установку телефона с марта 1977 года. А теперь, видно, и вовсе не видать мне телефонного блага...

А. ШАРАЕВА,
ветеран труда.

Вел беседу
Е. ФРОЛОВ.
Фото Е. ЛИСИЦЫНА.